

Партнершу Льва Новоженева по дневному шоу НТВ «Страна советов» Руслану Писанку вот уже несколько лет считают главным символом Украины — таким же, как сало, горилка, борщ и киевское «Динамо». Если точнее, Русю (так ее любовно зовут соотечественники) там считают секс-символом. Выходившая до недавнего времени на популярнейшем украинском телеканале «Интер» «Погода с Русланой Писанкой» лидировала во всех рейтингах. Собственно, на погоду зрителям было откровенно плевать: они мчались к телевизорам лишь затем, чтобы ощутить прилив национальной гордости: «Не, вы только подивитесь, как наша Руся опять одним только бюстом всю Европу затмила» (в смысле: заслонила на карте).

О чем пела Ротару, а не разбирала

— В Киеве говорили: наконец появилась своя в доску, шира украинка, которая ни на кого из телеперсонажей не похожа и в то же время похожа на всю Украину — шедрую и обильную.

Знаю, что в детстве вы мечтали о чем угодно, но только не о карьере телеведущей...

Естественно. Я брала выше. Становилась и говорила: «Выступает народная артистка Советского Союза Руслана Писанка!» И выступала.

— Перед кем?

— Перед чем — зеркальным сервантом. А «народной артисткой» я называлась потому, что дикторы именно так представляли артистов во время телевизионных концертов. Особенно уважала тетю Валю Леонтьеву, которая каким-то удивительным образом заставляла себя слушать, говорила мягко, но очень уверенно. Так специфически обволакивала тебя... Я пела перед сервантом, а мама смотрела на меня тайком и плакала. Любимой певицей у меня была София Ротару, дома была большая пластинка, где Ротару пела украинские песни — «Червону руту» и другие. Слова я мало разбирала, но мне очень нравилось.

— Руся, я поражен! Как главная телеукраинка могла не понимать слов национального шлягера? Разве в вашем доме не звучала украинская речь?

— А я росла в русскоязычной семье, которая представляет из себя целый национальный коктейль: и казаки донские в ролу присутствуют, и украинцы, и поляки, и молдавы. Киев-то вообще город интернациональный. Это ведь только на западной Украине держались до последнего, чтобы не перейти на русский язык. А украинский язык я начала учить во втором классе.

— Что не могло не сослужить вам добрую службу в Киевском театральном институте им. Карпенко-Карого, известном твердыми национальными традициями, где, кажется, и лекции читают, и экзамены принимают только на украинском?

— Да, там меня навчили розмовляти на українській мові як треба. Я училась с 1989 по 1994 год, как раз на переломе истории. Сначала на экзаменах можно было по-русски отвечать, а потом вдруг нельзя. Даже преподавателям пришлось резко перестраиваться.

В Шукинском училище посоветовали сбросить 20 кг

— Как вы, мечтающая о звании народной артистки, оказались на режиссерском факультете?

— Мой путь в театральную профессию вообще был очень долгим и извилистым. Еще в школе я активно продолжала свои актерские опыты — сама писала пьесы, ставила их, готовила новогодние и литературные вечера, дискотеки проводила. Плюс холила в музыкальную, — художественную,

Руслана Писанка:

Что там эротика — меня и в порно звали

спортивную школы. Занималась баскетболом, гандболом, где меня любили ставить на ворота. У меня была хорошая масса — как раз для защиты ворот. Или нападающей: атаковать я могла так, что все противники разлетались в разные стороны. Но после того, как мне пару раз круто заехали в лицо мячом, бросила это раз и навсегда. Тем более что, увидев меня в гандболе, в тот момент на меня положили глаз и тренер по метанию диска: «У тебя такой хороший удар, что ты рождена для метания диска! Ты только приди к нам — тебе понравится». С первого раза я метнула диск так, что он улетел за пределы площадки, и его потом долго искали. А мне ведь было всего одиннадцать лет! Есть девочки полные и

теров лучше всего учат в Москве, то туда после школы сразу и отпустили. Первые испытания прошла в Шукинском училище, где дала жару по полной программе. Подошла педагог: «Вы нам очень понравились, у вас большая перспектива играть возрастные и комические роли. Но вам обязательно нужно похулить килограммов на двадцать. В противном случае вам не подберешь партнера. Так что худейте, а мы вас будем ждать на следующий год».

Вернувшись домой, я осознала, что артисткой мне не быть. Могла бы, конечно, следом в Киев на актерский факультет поступать. Но мне очень не хотелось проводить подобные эксперименты — вдруг провалюсь с треском и кто-то об

работы я поступила на режиссерский факультет только спустя 6 лет. **Напиваясь, он всегда говорил, что я бездарь и тупица** — Вы в институте подрабатывали? — Вела исключительно студенческую жизнь. Не рискнула лишиться себя такого счастья. Материально, конечно, было плохо, но 5 лет удовольствия того стоили... Как и у всех студентов, это и первые серьезные романы. — Неужели за шесть лет работы на телевидении романов не случилось? — Мужчины, которые работают на телевидении, как объект романов не воспринимаю. А вот они меня, скажу без ложной скромности, очень даже воспринимали. Клиника подбавили всячески. В институте со мной рядом был человек, который вуз, правда, не закончил: пил очень много. Эти три года были вырваны из моей жизни, хотя мне с ним было очень интересно. Он был из очень известной актерской семьи. При этом каждый день, когда пил, говорил мне, что я бездарь, тупица и из меня никогда режиссер не получится. Очень страдала — я человек, воспитанный в любви. Родители никогда не ругались, никто никого не оскорблял. Поэтому я не переносила и не переносила грубость в свой адрес. Если на меня, например, кричал режиссер на съемочной площадке, я просто разворачиваюсь и ухожу. — Вы ведь в институте, кажется, не последним человеком были? — Я всегда и везде фигура за-

метная: не заметить меня трудно! Несмотря на то, что была знаменитой прогульщицей, меня почему-то избрали старостой курса. Поэтому прогуливали много и часто всем курсом тележуриссуры. Когда пропусков в журнале становилось до безобразия много (а это было чревато лишением всего курса стипендии), я просто-напросто этот наш журнал похищала. Нет журнала — не к чему придираться! Журналов за пять лет накопилось много, они до сих пор у меня где-то дома в Киеве пылятся.

— Всех фильмов с вашим участием не видел, кажется, никто. Но все почему-то уверены, что это крутая эротика, раз уж вы официальный секс-символ Украины...

— Все эти термины и определения в мой адрес начались после того, как я снялась в картине «Несколько любовных историй» по «Декамерону» Боккаччо, где обнажена некоторые части своего тела. С согласия всего на пару частичек обнажений задней части, да и то только потому, что «Декамерон» — мировая классика. Потом режиссер решил, что я должна выбежать из спальни еще и с обнаженной грудью. На что я сказала: «Андрюша, мы с вами об этом не договаривались!» Я была молода и наглая, но уговор дороже денег! Там самая крутая сцена — у бочки: старый муж очиняет бочку, сидя внутри нее, а жена, стоя у бочки, наблюдает. В это время молодой любовник пристраивается к ней сзади и делает свое дело.

— Как вас в кино сразу на эротику-то угораздило? Ведь это был первый ваш опыт?

— Первым опытом были

В моей жизни было много мужчин — хороших, плохих — разных. Черт разберет, как я их выбирала — по роже, по коже, по уму или деньгам.

— Вы в Москве уже полгода проживаете. Как вам вообще Москва, которая, как известно, слезам не верит? Что вы, конечно, и сами знаете по своему девичьему опыту покорения столичных театральных вузов...

— Но это ж две большие разницы, как говорят в Одессе. Тогда я сама приперлась сюда зеленой восторженной девчонкой, а теперь меня позвали как известного и состоявшегося человека. В марте меня пригласили. Весь апрель я курсировала между двумя столицами — Киевом и Москвой. Подготовка, пробы, запись роликов, пилотной программы. НТВ поселило меня поначалу в гостиницу «Космос», а когда все стало уже на мази — сняло квартиру в трех минутах ходьбы от Останкинского телецентра. Узнали же меня на улице буквально в первый день моего пребывания в столице, еще до эфиров. Один мужчина подвозил меня к телецентру: «А я знаю, кто вы и откуда. Да и вообще все про вас знаю!» Конечно, в Киеве мне много проще — ведь там я у себя дома и знаю каждый камешек на улице. Четко представляешь себе, куда поехать, с кем провести время. С другой стороны, сказать, что я чужая в Москве, тоже не могу. Мой «гостевой» режим как-то очень быстро закончился: перестраиваться с одной столицы на другую было несложно.

— Руся, есть русская поговорка про «Тулу со своим самоваром». Вы, я смотрю, в Москву аж с двумя заявками: любимым автомобилем «БМВ» с киевскими номерами и обожаемым гражданским мужем Иваном...

— «Привычка свыше нам дана...» От добра добра не ищут. Свою большую (как я!) черную машину «БМВ» пятой модели лично сама перенесла из Киева в Москву. Я давно вожу, вот сейчас Москву и осваиваю. Без машины мне никак. Не потому, что кого-то там боюсь. Наоборот, мужики меня боя-

туют: письма, звонки. Меня всю дорогу пытали, не было ли у нас там чего за кадром, коль уж по Домогарову такие страсти массовые. Нам с Саней сильно повезло в том плане, что я не в его вкусе, а он — не в моем. Он сразу стал меня любовно так называть — «худышка моя». При этом — никакой эротики! Я Домогарова прононсу учила, он все никак не мог по-украински правильно имя Горпина выговорить, гзкнут у него раскатисто не получалось. Мы сидели с ним высоко в горах в Закопанах под Краковом, в снегу, у каждого под ногами стоял обогреватель, и тренировались.

У меня в «Огнем и мечом» не главная роль была, а так, расширенный эпизод. Когда в Кие-

— После фильма «Огнем и мечом» Александр Домогаров стал секс-символом Польши. У вас, иранский безотчетно влюбленную в него колдунью Горпина, тоже был успех?

— По Сане действительно до сих пор польские женщины со-

ве, во Дворце «Украина», была премьера фильма, я вместо того, чтобы кино смотреть (всегда страшусь премьер), заседала с Богданом Ступкой и коньяком в буфете. Туда периодически заходили мои друзья и рассказывали, что, когда меня на экране убивали поляки, весь зал аж вскрикнул. Там действительно страшная сцена: глаза у меня стекленеют, кровь по лицу хлещет.

Но массовый зрительский психоз меня, в отличие от Саши Домогарова, в Польше не коснулся: там я по улицам спокойно хожу.

Купались вы без одежды, но на пионерском расстоянии

— В Москве уже полгода проживаете. Как вам вообще Москва, которая, как известно, слезам не верит? Что вы, конечно, и сами знаете по своему девичьему опыту покорения столичных театральных вузов...

— Но это ж две большие разницы, как говорят в Одессе. Тогда я сама приперлась сюда зеленой восторженной девчонкой, а теперь меня позвали как известного и состоявшегося человека. В марте меня пригласили. Весь апрель я курсировала между двумя столицами — Киевом и Москвой. Подготовка, пробы, запись роликов, пилотной программы. НТВ поселило меня поначалу в гостиницу «Космос», а когда все стало уже на мази — сняло квартиру в трех минутах ходьбы от Останкинского телецентра. Узнали же меня на улице буквально в первый день моего пребывания в столице, еще до эфиров. Один мужчина подвозил меня к телецентру: «А я знаю, кто вы и откуда. Да и вообще все про вас знаю!» Конечно, в Киеве мне много проще — ведь там я у себя дома и знаю каждый камешек на улице. Четко представляешь себе, куда поехать, с кем провести время. С другой стороны, сказать, что я чужая в Москве, тоже не могу. Мой «гостевой» режим как-то очень быстро закончился: перестраиваться с одной столицы на другую было несложно.

— Руся, есть русская поговорка про «Тулу со своим самоваром». Вы, я смотрю, в Москву аж с двумя заявками: любимым автомобилем «БМВ» с киевскими номерами и обожаемым гражданским мужем Иваном...

— «Привычка свыше нам дана...» От добра добра не ищут. Свою большую (как я!) черную машину «БМВ» пятой модели лично сама перенесла из Киева в Москву. Я давно вожу, вот сейчас Москву и осваиваю. Без машины мне никак. Не потому, что кого-то там боюсь. Наоборот, мужики меня боя-

туют: письма, звонки. Меня всю дорогу пытали, не было ли у нас там чего за кадром, коль уж по Домогарову такие страсти массовые. Нам с Саней сильно повезло в том плане, что я не в его вкусе, а он — не в моем. Он сразу стал меня любовно так называть — «худышка моя». При этом — никакой эротики! Я Домогарова прононсу учила, он все никак не мог по-украински правильно имя Горпина выговорить, гзкнут у него раскатисто не получалось. Мы сидели с ним высоко в горах в Закопанах под Краковом, в снегу, у каждого под ногами стоял обогреватель, и тренировались.

У меня в «Огнем и мечом» не главная роль была, а так, расширенный эпизод. Когда в Кие-

— После фильма «Огнем и мечом» Александр Домогаров стал секс-символом Польши. У вас, иранский безотчетно влюбленную в него колдунью Горпина, тоже был успех?

— По Сане действительно до сих пор польские женщины со-

герон не вашего романа, а роман с телеоператором Иваном вот уже два года длится.

— В моей жизни было много мужчин — хороших, плохих — разных. Черт разберет, как я их выбирала — по роже, по коже, по уму или деньгам. Все вычислить собственную формулу счастья пыталась. Не думаю, что уже знаю ее: для этого нужно получить сотню ожогов, несколько раз оледенеть, упасть в пропасть и взмыть опять к солнцу. А с Иваном все сложилось не благодаря, а вопреки обстоятельствам, вопреки моим правилам насчет телевизионных мужчин. Начнем с того, что мы познакомились с ним в крымском автобусе, который вез на фестиваль киевскую делегацию из Симферопольского аэропорта в лагерь «Артек». Я сидела рядом с актером, Ваня — со своим корреспондентом Надей. Наши взгляды встретились, искра какая-то проскочила. Но я же вижу, что он с девушкой. А Ваня, наоборот, подумал, что у меня с тем актером роман.

Ситуация прояснилась позже. Оказалось, Ваня все это время за мной следил. И когда я ночью отправилась купаться в море, следом пристроился. Крымские ночи темные очень, так купались мы без одежды, но на пионерском расстоянии — пионерлагерь все-таки! И вообще первое время ни о какой близости речи не было. На следующий после ноч-

ного купания день я неудачно упала с вольного аттракциона «банан» и сильно ушибла спину, так Ваня на ночь вызвался сделать мне лечебный массаж. Уснула под его руками, но он тут же испарился из моего номера. Я страшно удивилась, когда проснулась утром: а Вани-то нет! Зато боль стала меньше. Сразу решила массаж повторить. Но собитый никто не форсировал — ни он, ни я. В Киеве наша дружба продолжилась. И мы сами не заметили, как стали жить вместе. Вернее, Ваня поселился у меня, все починил и привел в божеский вид — у меня вечно руки не доходят, неорганизованная я. Вот с тех пор два года вместе.

— Ваня ревнует? Вас ведь, как я слышал, постоянно достают поклонники — и нормальные, и не очень...

— Однажды из-за одного подобного звонка мы чуть не расстались. Ночью работал автоответчик, раздался звонок, и на всю квартиру прозвучали упреки моего знакомого, который меня лет восемь добивался. Ваня взбесился и среди ночи исчез. На неделю. А ведь мог навсегда, если б ему собственная сестра мозги не вправила: «Налюбуйся трубкой и скажи: мужик, не звони сюда больше!» Что Ваня впоследствии и делал. И не раз! И разогнал всех моих поклонников, даже очень-очень настойчивых...

■ Андрей Домнич.

«Без машины мне никак. Не потому, что кого-то там боюсь. Наоборот, мужики меня бояются»

Фото на развороте: Максим Бурлака